

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Городникова М.Д. Когнитивное моделирование при интерпретации художественного текста // Когнитивные аспекты лексики (немецкий язык): Сб. тр. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1991. – С. 20–28.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1986. – 336 с.
3. Миллер Дж.А. Образцы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры: Сб. ст. / Общ. ред. Н.Д.Арутюновой и М.А.Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 236–254.
4. Мурзин Л.Н. Текст и его восприятие / А.С.Штерн. – Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1991. – 172 с.
5. Ніконова В.Г. Мовний аспект трагедійної картини світу (на матеріалі творів Шекспіра) // Науковий Вісник кафедри ЮНЕСКО Київського національного лінгвістичного університету LINGUAPAX–VIII: Мова, освіта, культура: наукові парадигми і сучасний світ. Серія Філологія. Педагогіка. Психологія. – 2005. – Вип. 11. – С. 68–72.
6. Ніконова В.Г. Концептуальний простір трагічного в п'єсах Шекспіра: поетико-когнітивний аналіз: Дис. ... докт. філол. наук: 10.02.04. – К.: КНЛУ, 2008. – 558 с.
7. Ніконова В.Г. Трагедійна картина світу в поетиці Шекспіра. – Дніпропетровськ: Вид-во ДУЕП, 2007. – 364 с.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Віра Ніконова – доктор філологічних наук, доцент, завідувач кафедри іноземної філології, директор Інституту міжнародної комунікації Дніпропетровського університету економіки та права.
Наукові інтереси: концептологія художнього дискурсу.

АБСОЛЮТНЫЕ ВАЛОРАТИВЫ "FLEIß" И "SPARSAMKEIT" В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Анатолий ПРИХОДЬКО, Галина ПРИХОДЬКО (Запорожье, Украина)

Deutschlands Schicksal: Vor dem Schalter zu stehen.	Судьба Германии: стоять у кассы.
Deutschlands Ideal: Hinter dem Schalter zu sitzen. (K. Tucholsky)	Идеал Германии: сидеть за кассой. (К. Тухольски)

Статтю присвячено вивченню специфіки концептів FLEIß і SPARSAMKEIT, які розглядаються як абсолютні параметричні валоративи німецького етнічного менталітету. На основі когнітивної інтерпретації засобів вербалізації та порівняння між собою описано понятійний, асоціативний і ціннісний зміст цих концептів з наступним аналізом шляхів і способів їхньої образно-метафоричної версифікації в німецькій лінгвокультурі.

The article is dedicated to the study of the specification of Fleiß and Sparsamkeit concepts, which are considered as absolute parametrical valoratives of German ethnical mentality. Notional, associative and value substance of these concepts is described on the basis of cognitive interpretation of the verbalization means and comparison with each other as well as the following analysis of ways and methods of their figurative and metaphorical versification in German culture.

Объектом внимания в данной статье являются концепты FLEIß / СТАРАТЕЛЬНОСТЬ" и SPARSAMKEIT / БЕРЕЖЛИВОСТЬ, которые наряду с другими концептуальными доминантами немецкой этно- и лингвокультуры отличаются абсолютной телеономностью, т.е. принадлежат к "высшим духовным ценностям, образующим и воплощающим для человека нравственный идеал, стремление к которому создает моральную оправданность его жизни" [1: 25]. Предметом анализа этой статьи являются понятийные, ассоциативно-образные и валоративные рефлексии указанной концептивной пары в немецком этническом менталитете (НЭМ). Выяснение ментальных истоков этих концептов, за которыми стоят интериоризированные кванты знания и стереотипизированные модели поведения, составляет основную цель статьи.

Для начала следует заметить, что анализируемые концепты является одной из важнейших констант немецкой этнокультуры, которые совместно с ORDNUNG, ARBEIT, PFLICHT, PÜNKTlichkeit, GEMÜTlichkeit и некоторыми другими валоративами составляют формулу немецкой ментальности.

Абсолютный телеономный валоратив FLEIß / СТАРАТЕЛЬНОСТЬ наделяет в НЕМ большой психической силой: излучая ценностное отношение к работе, он тем самым организует жизненный мир человека. Он является не только показателем старательности и трудолюбия, но и отражает внутренний порыв – работать старательно значит не только

предприимчиво, но и по собственной воле. Этимологическая основа этого концепта берет свои начала в двн., где *fliz, flit, vlizan* означало «напряжение, ссора, спор, борьба» [6: 220].

Лексикографическое истолкование концепта FLEIß опирается на три смысловых прослойки: «интенсивность работы», «трудолюбие» и «усилие» [4: 516; 9: 336; 11: 1327]. Именно эти значения и образуют когнитивно-семантическую структуру концепта FLEIß, который мыслится как старательность, настойчивость и целеустремленность в работе и может синонимически диверсифицироваться лексемами *arbeitsam, viel arbeitend* ('трудолюбивый'), *eifrig* ('настойчивый', 'упорный'), *zielstrebig, strebsam* ('целенаправленный', 'целеустремленный').

Основными вербальными апеллятивами концепта FLEIß являются существительное *der Fleiß* и прилагательное / наречие *fleißig*, тогда как соответствующий глагол в современном языке отсутствует, хотя и существовал ранее вплоть до средневерхненемецкого периода. Более того, лексема *Fleiß* отличается крайне ограниченным словообразовательным потенциалом. Она фактически не образует субстантивных композит (*Fleißkärtchen* 'карточка старательности учащегося' – единая фиксированная словарями композита). Очевидно, это тот редкий случай, когда языковая объективация концепта опирается не на множество его семиотических воплощений, а ограничивается одним-двумя знаками. Тем не менее, от этого образно-ассоциативная и ценностная стороны концепта не становятся беднее.

Учитывая историческую динамику, понятийная основа концепта FLEIß проходит определенные степени своего ментального освоения: в XVI ст. во времена кайзера официально предписывалось, что милостыню просить имеют право лишь больные, остальные же должны работать. Даже в функциональные обязанности чиновников входило безжалостное наказание бездельников и их принуждение к поиску общественно полезного занятия (*Der Fleißige findet immer etwas zu tun*). Начиная с XVIII ст., в Германии распространяется дух меркантилизма, способствовавший переосмыслению FLEIß как движущей силы благосостояния человека и, соответственно, залога пополнения казны (*Des Fleißigen Hand macht reich*). В этом смысле FAULHEIT / ЛЕНЬ рассматривалась официальной властью как тормоз, а FLEIß, EIFER / УСЕРДИЕ и ARBEITSAMKEIT / РАБОТОСПОСОБНОСТЬ – как источник экономического развития страны [7].

Значительный вклад в сакрализацию старательности как главного атрибута работы сделало христианство. Применяя теософские аргументы, религия довольно успешно справлялась с принуждением прихожан к общественно полезной работе и тем самым к активному образу жизни. Клерикальные призывы типа «Бог создал человека для работы – кто ленится, тот пренебрегает Божьим творением» (Й. Агрикола, 1534), «Каждый должен работать – так велел Господь» (Й. Татезиус, 1534), «Бог помогает старательному и наказывает бездельника» (Кр. Лейманн, 1637) были постоянными слоганами в проповедях священнослужителей [3: 48]. Идеино-христианское назначение таких призывов заключалось не только в обожествлении работы и старательности, но и в борьбе с праздностью. Протестантская церковь и кайзеровское государство шли здесь в одной упряжке, били как бы в одну точку.

Длительное время FLEIß считался одним из эффективных способов покаяния и лечение души. Позднее он стал в сознании немца «необходимым атрибутом человеческого существования» [7: 112], т.е. той добродетелью, благодаря которой становится возможной самореализация человека как личности. За этим стояла вполне понятная политическая прагматика: обеспечить экономическую стабильность государства и общества путем старательной работы каждого гражданина на себя и на свою семью.

Именно такие ценностные истоки имеет концепт FLEIß и в сегодняшней Германии. Вопреки пониманию того, что «*Die Menschen sind höchst unterschiedlich in ihren Anlagen, Fähigkeiten und Fertigkeiten, sondern auch in ihrem Fleiß / Люди очень разные в своих задатках, способностях и привычках, а также в старательности*» [http://fu-berlin_nachrichten.online2005.de], любые проявления не-старательности, как и раньше, продолжают резко осуждаться общественной моралью. Лень, поверхностность, халатность – все это, по мнению немца, дезорганизует жизненный мир человека. Идея несправедливого распределения материальных благ, незримо окружающая концепт ARBEIT / РАБОТА, почти не фигурирует в перцептивно-образном слое концепта FLEIß (исключение: *Der*

eine hat den Fleiß, der andere den Preis / Одним достаётся старание, другим – вознаграждение). Правда, сегодня наметилась тенденция и к гендерной дифференциации в понимании этого феномена, сформулированную в виде слогана «*Fleißige Frauen arbeiten, kluge machen Karriere / Старательные женщины работают, а умные делают карьеру*» [10].

Основным же фразеологическим способом версификации валоратива FLEIß является его ассоциативное осмысление через два других концепта – MENSCH / ЧЕЛОВЕК и PREIS / ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ. В этом смысле можно считать, что валоризация идеи старательности в паремии фонде языка задается "лозунговой" поговоркой «*Ohne Fleiß kein Preis / Без старательности нет вознаграждения*», по отношению к которой все остальные паремии на эту тему кажутся производными. Ср.: *Mühe und Fleiß erhalten den Preis; Der Jugend Fleiß, des Alters Preis*.

Центральным звеном фразеологических единиц, декларирующих идею старательности, всегда является человек, способный своим трудом достичь многого. Тем не менее, этот человек редко получает прямые номинации (*Der Fleißige macht aus Eisen Wachs*). Чаще всего такой человек воспевается метафорически через зоонимы (*Dem fleißigen Hamster schadet der Winter nicht; Die fleißige Spinne hat ein großes Gewebe; Ein fleißiger Gaul wird nicht fett; Ein fleißiges Huhn findet auf jedem Mist zu tun*), соматизмы (*Fleißige Hand baut Leut und Land*) и артефакты (*Fleißiger Spaten ist immer blank*). Нередко в паремиях персонифицируется и сама старательность (*Der Fleiß hämmert das Eisen heiß; Fleiß bricht das Eis; Fleiß rührt den Mörtel; Fleiß überwindet alles; Eigener Fleiß macht den Schornstein rauchen*). Прямые же номинации старательного человека (субстантивированное прилагательное *der Fleißige*) встречаются, как правило, в тех фразеологизмах, где фигурируют лень, бездеятельность и хаос (*der Faule*), т.е. то, что неприемлемо для НЭМ даже в смеховом контексте. Метафорическое осуждение лени осуществляется путем ее противопоставления трудолюбию (*Für den Fleißigen hat die Woche sieben Heute, für den Faulen sieben Morgen; Der Fleißige hat stets Zeit genug, der Faule nie; Der Fleißige läuft sich tot, der Faule trägt sich tot; Abends wird der Faule fleißig*).

Часто концепт FLEIß профилируется в паремии фонде языка рядом с другими не менее важными для НЭМ валоративами – GLÜCK / СЧАСТЬЕ, SPARSAMKEIT / БЕРЕЖЛИВОСТЬ, MÜHE / УСИЛИЕ и пр. Ср.: *Fleiß ist des Glückes rechte Hand, Sparsamkeit die linke; Fleiß und Sparsamkeit hilft auch durch schlechte Zeit; Fleiß und kluger Sinn bringt den sichersten Gewinn; Mühe und Fleiß erhalten den Preis*. Вместе с ними воспеваются такие добродетели, как *мудрость* (*Hans ohne Fleiß wird niemals weis*), *любовь* (*Liebe macht fleißige Hand*), *ум* (*Fleißige Schüler machen fleißige Lehrer*), которые старательный человек может приобрести, а не старательный – потерять (*Geht der Fleiß zur Tür hinaus, steigt die Not zum Fenster hinein*). Более того, концепт FLEIß ассоциируется в НЭМ с такими ментальными единицами, как ERNSTHAFTIGKEIT / СЕРЬЕЗНОСТЬ, GESCHÄFTIGKEIT / ДЕЛОВИТОСТЬ и UNTERNEHMUNGSGEIST / ДУХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА. Все они так или иначе связаны с MÜHE / УСИЛИЕМ, которое должен приложить человек ради достижения намеченной цели – глобальной (успех-ERFOLG) или промежуточной (успех-LEISTUNG) как в материальном, так и в духовном планах.

Итак, валоратив FLEIß является для НЭМ весьма положительным ментальным ориентиром. Этот концепт покрывает широкие когнитивно-семантические пространства и содержит в своей структуре элементы, достигающие глубин этнического сознания. В этих глубинах фигурирует еще одна тесно связанная с FLEIß концептуальная единица – TÜCHTIGKEIT / ПРОВОРНОСТЬ, которую Б. Нусс несколько фривольно определяет как «совокупность свойств, непосредственно необходимых для достижения цели» [8: 168]. Но не только ее ассоциативно-образный и ценностный слои, но и понятийный субстрат являются глубже и сложнее этого определения. TÜCHTIGKEIT как специфично "немецкий" концепт можно охарактеризовать по-русски лишь описательно как нечто «расторопное, проворное, находчивое». Для немца же он означает гораздо больше: сохраняя генетическую энергетику своего вербального номинанта (в средневековье словом *tüchtig* характеризовали сильного и по-рыцарски мужественного человека), концепт TÜCHTIGKEIT сегодня расширил свои семантические границы и стал использоваться в палитре таких смыслов, как «ловкость», «опытность», «сдержанность», «решительность», «сообразительность».

С другой стороны, TÜSHTIGKEIT – это неотъемлемая черта старательно работающего человека. «Старательность является ничем иным, как скрытым желанием немца любой ценой играть в чем-то какую-то роль, пусть даже и скромную, но непременно полезную. Чувство бесполезности, ненужности, извращенности невыносимо и деморализующее для немца» [8: 171]. И чем лучше работает человек, тем высшее вознаграждение, но работать он должен соответственно своим физическим и интеллектуальным способностям. Старательность – это национальная концепция отношения к работе и к homo faber (человеку работающему), в которой оцениваются не столько результаты достигнутого, сколько осознанно-уважительный подход к выполнению порученного.

Вопреки тому, что трудолюбие и старательность являются заслугой не столько какого-то там национального духа, сколько давления со стороны государства и церкви, концепты FLEIß, EIFER и TÜSHTIGKEIT немцы считают своими национальными добродетелями. Отдавая должное тому, что с такой постановкой вопроса довольно тяжело согласиться, так как старательность и трудолюбие ценятся многими народами, в т.ч. и нашим, подчеркнем бесспорность того факта, что эти концепты являются неотъемлемой составляющей НЭМ. К ним относятся и некоторые другие ментальные сущности – в частности, концепт SPARSAMKEIT.

Абсолютный телеономный валоратив SPARSAMKEIT / БЕРЕЖЛИВОСТЬ / ЭКОНОМНОСТЬ также является одной из важнейших доминант немецкой этнокультуры, участвующих в конституировании формулы немецкой ментальности. Этот концепт имеет три частеречные репрезентации – существительное *die Sparsamkeit*, глагол *sparen* и прилагательное / наречие *sparsam*, ведущих свою родословную от д.герм. *sparé и двн. *sparon*, *sparia(n)* «сохранять, надежно держать» [6: 682] и, наверное, происходят от старославянского *sporŭ* «достаточный» [9: 930]. Сегодня этот концепт воплощает идею бережливого отношения к тем материальным и духовным ценностям, которые нужно копить и приумножать [4: 1425]. Экономия была и остается и государственной доктриной Германии, которая вызывает понимание и одобрение не только политиков, но и простых граждан. Экономия на всем, немцы делают это ради семьи, путешествий, новой машины, постройки дома и пр.

Но концепт SPARSAMKEIT интерпретируется немецкой лингвокультурой не только в аспекте материальных ценностей (например, *Geld sparen*). Он имеет касательство и к экономии времени, сил, энергии, усилий, нервов и пр. ценностных компонентов жизненного мира человека. Вплоть до XIX ст. актуальным было понимание этого концепта в значении *haushälterisch* «хозяйственный, домовитый» [5 (16: 1955)]. При этом нужно иметь в виду, что бережливость в НЭМ не имеет ничего общего с таким индивидуальным свойством человека, как GEIZ / ЖАДНОСТЬ, являющейся экономией ради экономии. Экономный же человек экономит ради благосостояния. Такому экономному человеку НЭМ приписывает добродетели рачительного хозяина, надлежащим образом заботящегося о своем доме и своей семье и не позволяющего себе никаких излишеств [5 (16: 1955)]. Хороший хозяин именовался без всякого отрицательного подтекста как *Sparrkommissar*.

Сегодня по-прежнему актуальными остаются ФЕ "бережливости", ведущие свои начала еще из седой давности *bei Heller und Pfennig sparen; Daumen auf dem Beutel sparen; sich am Mund absparen; jeden Groschen dreimal umdrehen; den Pfennig ehren; den Schmachtriemen enger schnallen*, в которых коренится психология и философия экономии всего и вся. Дух экономии насквозь пронизывает и лексический слой языка: немцы не просто что-то экономят, а делают это *fleißig, achtsam, haushälterisch, wirtschaftlich, mäßig, schlicht, sorgsam, altpreußisch, puritanisch, spartanisch*. Наиболее активно используемое имя концепта SPARSAMKEIT опирается на глагол *sparen* и его производные с префиксами *ein-, ab-, auf-, an-, ver-, zusammen-*, а также на многочисленные субстантивные композиты типа *Sparbuch, Sparkasse, Sparbüchse, Sparstrumpf, Spareinlage, Sparheizung, Sparbrenner*. Лишний раз о бережливости напоминают и глагольный синонимический ряд: *sich einschränken, kappen, haushalten, schonen, wirtschaften, zurücklegen, erwerben* и др.

В когнитивно-дискурсивной ситуации SPARSAMKEIT обычно актуализируется через предметно-центрический фрейм со слотами КТО (субъект экономии), ЧТО (объект

экономи), КАК (средство экономии), ЗАЧЕМ (цель экономии). В полном соответствии с этим фреймом выстраиваются и языковые средства, и метафорические модели, и аллюзивные импульсы данного концепта.

Особенно рельефно фреймовый сценарий объективации валоратива SPARSAMKEIT выстраивает паремиологический фонд немецкого языка, через который идея бережливости проходит красной нитью. Во ФЕ каждый слот профилируется в разных ипостасях, но наиболее активным здесь является слот ЗАЧЕМ с его идеей неперемного вознаграждения для экономного человека. В частности, во ФЕ *Wer einen Groschen spart, hat zwei verdient; Wer spart, hat doppelt; Wer erwirbt, tut viel – wer spart, tut mehr; Wer heute etwas spart, wird morgen etwas haben; Wer in der Jugend spart, ist im Alter bewahrt; Wer morgens was spart, hat abends was; Sparsam sein ist eine gute Rente; Wer sparsam ist, kann viel sammeln* пропагандируется профицитность любых экономных начинаний, ибо именно они приносят прибыль (*Sparschaft gibt Barschaft*).

Прямо и непосредственно идея бережливости обыгрывается и через habeo-мотив в поговорке *Auf Sparen folgt Haben* / *Экономия причиняет владение (обладание)*, бьющей по той слабости человека, которая обусловлена его влечением к обладанию чем-либо. Конечно, в таких контекстах как бы сходятся одновременно объект и цель владения, являющимися аллюзиями концепта GELD / ДЕНЬГИ. Правда, последний нередко объективируется и прямыми фразеологическими номинациями. Ср.: *Adel, Tugend, Kunst sind ohne Geld umsonst; Alles ist möglich, aber es regnet kein Geld; Geld regiert die Welt; Wo Geld ist, da ist der Teufel, wo keines ist, da ist er zweimal; Für Geld kann man den Teufel tanzen sehen*. Общий смысл этих ФЕ сводится к тому, что деньги имеют большое значение, но они не даются легко, а потому их нужно экономить в первую очередь.

Во фразеологическом фонде валоратив SPARSAMKEIT идет бок о бок с концептами ARBEIT (*Arbeiten und Sparen macht zusehends reich*) и FLEIß (*Fleiß ist des Glückes rechte Hand, Sparsamkeit die linke; Fleiß und Sparsamkeit hilft auch durch schlechte Zeit*). Несколько реже его фразеологическая версификация осуществляется через такие концепты, как HAUS / ДОМ, HAUSHALT / ХОЗЯЙСТВО, FAMILIE / СЕМЬЯ (*Sparsamkeit erhält das Haus; Wo Sparsamkeit haushält, da wächst der Speck an den Balken*). Не забывает народная мудрость напоминать экономному человеку и о VORSICHT / ОСТОРОЖНОСТИ, дабы уберечь его от охотников на чужое добро: *Jeder Sparer findet einen Zehrer; Nach dem Sparer kommt ein Zehrer*. Пословицы и поговорки героизируют экономного человека (Sparer, Sparwas) на контрасте с неимущим (*Habenichts*) и расточительным (*Sparnichts, Frißauf*) человеком: *Sparwas hat was – Frißauf hat nichts; Sparnichts und Habenichts wohnen unter einem Dach; Wer nicht sparen kann, dem nützt das Gewinnen nichts*. Неэкономность и расточительство всегда твердо и бескомпромиссно осуждаются, а в меру потребляющий и в меру тратящий человек (*Otto-Normalverbraucher*) считается в НЭМ образцовым.

Средневековый протестантский слоган "*Arbeiten, beten und sparen* / *Работа, молитва и экономия*" остается (за исключением *beten*) весьма актуальным и для сегодняшней Германии, а стереотип бережливого человека как отказывающего себе даже в необходимом, не исчезают с течением времени. Идея экономности и бережливости витает в НЭМ повсюду, а потому часто берется на вооружение маркетологами. Так, умело подобранное название «Spar» для цепи супермаркетов обеспечило ему высокую конкурентоспособность на рынке продуктов питания наряду с такими дисконтами, как «Aldi», «Pennymarkt» и «Kaufhof».

Не удивительно, что среди ключевых понятий XX ст. ("слова года"), отслеживаемых группой специалистов Института немецкого языка в Маннгейме и публикуемых в ежегодном издании книги «*Wörter, die Geschichte machten* / Слова, которые делают историю», стало фигурировать слово SCHNÄPPCHEN (*schnappen* – букв. "хватать"), которое стало широко употребляться в Германии в начале 1980-х годов. *Schnäppchen* пропагандирует идею дешевого приобретения товаров [12: 68]. Авторы книги говорят о том, что наиболее экономные немцы живут в Кёльне, так как именно им принадлежит идея сезонной распродажи за бросовыми ценами (*Sommerschlußverkauf, Winterschlußverkauf*).

Слово *Schnäppchen* вошло в употребление, когда среди всех слоев населения, включая зажиточные, стало модным покупать вещи со скидками. Покупки прямо с фабрики или на специальных рынках, а точнее, в специальных отделах больших универмагов, предлагающих дешевые товары (*Schnäppchenmarkt*), стали почти национальным увлечением. Популяризация слова *Schnäppchen* оказывала содействие его концептуальному переосмыслению как некоторой ценностной доминанте немецкой этнокультуры. Сейчас в немецком языке появились и пейоративные неологизмы типа *Schnäppchenjagd* и *Schnäppchenjäger* ("охота / охотник за дешевыми товарами").

Наряду с этим в политическом дискурсе появляется еще одно концептуализированное понятие – SPARRPAKET («совокупность государственных мероприятий по экономии»), истинный смысл которого мало кто понимает, но все ощущают его неприятное дыхание, особенно когда речь заходит о «затягивании поясов» (*schnüren*) [12: 50]. На фоне непрозрачности такого рода мероприятий правительства, фирм, учреждений это слово стало активно использоваться и в других германских языках как импортированный концепт, в т.ч. и в Европарламенте (подобно к тому как немцы в свое время выставили на экспорт концепты ZEITNOT і ZEITGEIST). Изменение или перераспределение финансовых средств стало лозунгом рыночной экономики, особенно в условиях глобального кризиса, поскольку якобы способствует более рациональному их использованию. (Ср. слоган времен Л.И. Брежнева: "Экономика должна быть экономной").

Итак, немецкий абсолютный валоратив SPARSAMKEIT онтологизируется во всех сферах деятельности человека – как в личностной, так и в общественно-политической. Его ценностная составляющая является настолько глобальной для этнической психологии немцев, что даже позволяет говорить об особом типе ментальности – экономной. На протяжении веков доказав свою целесообразность и эффективность в ведении хозяйства, он и сегодня во многом определяет жизненный мир работающего человека, а потому продолжает быть одной из ведущих концептуальных доминант немецкой этно- и лингвокультуры.

Подводя итог, отметим, что FLEIß и SPARSAMKEIT являются одними из немногих концептуальных доминант немецкого этнического менталитета. В них изначально заложена идея прескрипции – ориентира на некоторый идеал, норму, шаблон и, в конце концов, на принципы и механизмы, регулирующие культурные сценарии поведения. Подобно другим культурным доминантам в этих концептах как бы заложен кодекс жизненных установок человека, упорядочивающих его поступки и действия в мире. Базируясь на системе установок и прогнозируемых поведенческих реакций, эти концепты имеют в своей основе определенные архетипические образы, содержащиеся в коллективном подсознательном, где они наделены большой психической энергией.

Не только немецкая, но и другие лингвокультурные сообщества имеют свои концептуальные ценности, способные к своей актуализации в различных онтологических сферах. Исследование концепто- и логосферы представляет собой довольно перспективный ракурс изучения самобытности этносов и своеобразия их менталитетов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 188 с.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
3. Мельник Р.М. Прикметники зі значенням “старанний, працьовитий” у німецькомовній картині світу: Дис. ... канд. філол. наук / 10.02.04. – Чернівці: ЧНУ ім. Ю. Федьковича, 2006. – 220 с.
4. Deutsches Universalwörterbuch /unter Leitung von G. Drosdowski. – Mannheim, Wie, Zürich: Dudenverl., 1989. – 1816 S.
5. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch (in 33 Bdn.). – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1991. – Bd. 16. – 1903 S.
6. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 1989. – 822 S.
7. Münch P. Ordnung, Fleiß und Sparsamkeit. Texte und Dokumente zur Entstehung der „bürgerlichen Tugenden“. – München: Langen Möller, 1984. – 412 S.
8. Nuss B. Das Faust Syndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen. – Bonn, Berlin: Borvier, 1993. – 213 S.
9. Paul H. Deutsches Wörterbuch: Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes. – Tübingen: Max Niemeyer, 2002. – 1243 S.
10. Rupprecht-Stroell B. Fleißige Frauen arbeiten – kluge machen Karriere: alles ist möglich. – München: Langen Möller, 1997. – 324 S.
11. Wahrig G.: Wahrig Deutsches Wörterbuch / Neu hrsg. von R. Wahrig-Burfeind. – Gütersloh, München: Bertelsmann Lexikon GmbH, 2000. – 1451 S.

12. Wörter, die Geschichte machen. Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts. – Gütersloh / München: Bertelsmann Lexikon GmbH, 2001. – 224 S.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Анатолій Приходько – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри іноземних мов Запорізького юридичного інституту.

Наукові інтереси: лінгвокогнітологія, культурологія, концептологія, прагматика, синергетика, дискурсологія, семіотика.

Галина Приходько – старший викладач кафедри німецької мови Запорізького класичного приватного університету.

Наукові інтереси: лінгвокогнітологія, культурологія, концептологія.

ОСОБЛИВОСТІ ВЕРБАЛІЗАЦІЇ КОНЦЕПТУ ТЕРОРИЗМ В ІНДІЙСЬКОМУ ВАРІАНТІ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ (НА МАТЕРІАЛІ МЕДІА-ТЕКСТІВ ОН-ЛАЙН ФОРМАТУ)

Алла АНІСІМОВА, Олександра РИШКОВА (Дніпропетровськ, Україна)

Стаття присвячена розгляду характерних особливостей концепту ТЕРОРИЗМ з позиції його когнітивної репрезентації в індійському варіанті англійської мови. Проводиться аналіз даного концепту у рамках однієї з когнітивних методик – теорії фреймів.

The article deals with some characteristic features of the cognitive representation of the concept TERRORISM in the Indian variant of the English language. The given concept is analysed in terms of the cognitive technique – the frame theory.

Здатність до постійних змін – іншими словами, **варіативність** – є однією з ключових властивостей природних знакових систем, до яких відноситься також і мова людини [2: 5]. Вона виникає як результат мінливості мови, її еволюції, що спричинена тісним контактом мов та діалектів, а також взаємодією численних внутрішньосистемних факторів мови [2: 5-6]. Зміни у поширенні мови та масштаби її варіативності зумовлені певними об'єктивними змінами у житті суспільства, зокрема – його історичним або культурним розвитком. Саме англомовний ареал як об'єкт лінгвістичних розвідок є особливо цікавим для сучасних мовознавців, що можна пояснити неоднорідністю та багатокомпонентністю його складу, специфікою його функціонування на різних територіях та у різних комунікативних ситуаціях.

Статусом англійської мови в Індії у різні роки цікавилася ряд зарубіжних учених-лінгвістів – Д. Крістал, Б. Качру, К. Гудрайт, Дж. Оларскі та інші, кожен з яких відмічав ряд національних особливостей індійського варіанту англійської мови. У вітчизняній лінгвістиці специфіка даного варіанту практично не висвітлювалося, оскільки увага вітчизняних мовознавців була зосереджена головним чином на національних варіантах англійської мови – американському, канадському, австралійському та інших, що підтверджує актуальність вибраної нами теми дослідження.

Метою нашої статті є дослідження особливостей вербальної репрезентації концепту ТЕРОРИЗМ у індійському варіанті англійської мови за допомогою такої когнітивної методики, як теорії фреймів.

Варто зазначити, що своєму званню країни з найбільшою кількістю носіїв англійської мови Індія завдячує тому факту, що вторгнення англійської мови у цю країну почалося ще у XVI столітті зі створенням Ост-Індської Компанії та появою перших християнських місіонерів [7]. Сьогодні кількість носіїв англійської мови в Індії дорівнює 400 млн чоловік, що складає близько 33% усього населення країни [8: 15]. Хоча у 1965 році було заплановано позбавити англійську мову статусу державної мови і перевести всю державну документацію на хінді, деякі штати країни, у яких ця мова не була достатнього поширення, почали активно протестувати, і тому ситуація досі залишається незмінною: у країні діють дві державні мови – англійська та хінді [12].

В Індії, крім англійської мови як такої, має офіційний статус ще 14 мов; крім того, функціонують також тисячі діалектів, які у повній кількості не знає жоден житель країни [11: 64].